

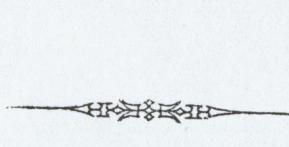
ДАНТЕ-АЛИГИЕРИ.

ОБНОВЛЕННАЯ ЖИЗНЬ.

ПЕРЕВОДЪ СТИХАМИ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО
А. П. ФЕДОРОВА,
СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ И ВСТУПЛЕНИЕМЪ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА,

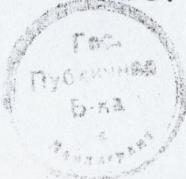
ГРАВИРОВАННЫМЪ НА ДЕРЕВЪ Н. И. МОРОЗОВЫМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Дома Призр. Малол. Бѣдн. Лиговская ул., д. № 26.

1895.

ОБНОВЛЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Ъ этой части моей памятной книжки, до которой было мало материала для чтенія, есть рубрика, гласящая: „Здѣсь начи-нается обновленная жизнь“. Подъ этою рубрикой я нахожу записаннымъ многое изъ того, что я намѣревался собрать въ этой книжкѣ, если не все отъ слова до слова, то, по крайней мѣрѣ, все, что было прочувствовано.

Уже девять разъ, со дnia моего рожденія, небо съ его свѣтилами возвратилось на то-же самое мѣсто, когда впервые предстала передъ моими очами доблестная Жена моихъ мечтаній, которой многіе, не зная, какъ ее назвать, дали имя Beатриче. Она уже довольно прожила, чтобы въ этотъ промежутокъ времени звѣздное небо успѣло пронестись къ востоку на двѣнадцатую часть градуса, такъ - что она явилась мнѣ въ началѣ своего девятаго года, тогда-какъ я уже его оканчивалъ. Она

явилась мнъ одѣтою въ красноватый цвѣтъ, величественная и скромная; способъ, какимъ поясъ поддерживалъ ея одѣяніе, совершенно подходилъ къ ея ранней юности. Я говорю сущую истину, что въ эту минуту *Духъ Жизни*, гнѣздающійся въ самой сокровенной глубинѣ сердца, сталъ трепетать съ такою силою, что его движение чувствовалось въ моихъ самыхъ мелкихъ венахъ; и, дрожа, онъ сказалъ слѣдующія слова: „*Ecce Deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi!*“ (Вотъ богъ, болѣе сильный, чѣмъ я, онъ станетъ господствовать надо мною). Тогда *Животный Духъ*, находящійся въ высшей части тѣла, куда всѣ духи чувствъ приносятъ свои чувствованія, сталъ удивляться и, обращаясь, собственно, къ *Духу Зрѣнія*, сказалъ слѣдующія слова: „*Apparuit jam beatitudo nostra*“ (Наше блаженство настало). Въ эту минуту *Духъ Естества*, находящійся въ той части тѣла, где пища переваривается и распредѣляется, сталъ плакать и говорить плача: „*Hec miser, quia frequenter impeditus ero!*“ (Ахъ, горе мнѣ, потому-что меня часто будуть мучить послѣдствія). Я говорю, что, начиная съ этой минуты, любовь сдѣлалась властительницей моей души, которая тотчасъ и была ей обручена. И она взяла надо мной такую власть по тому, что мое воображеніе дало ей на это силу, такъ-что съ того времени я чувствовалъ себя принужденнымъ вполнѣ ей повиноваться. Она приказывала стараться видѣть этого юнаго ангела; это и было причиною, что въ дѣтствѣ я часто бѣгалъ за нею; и я видѣлъ, какъ она шла впередъ съ такимъ благородствомъ и достоинствомъ, что къ ней вполнѣ можно было примѣнить слова поэта Гомера: „Она не казалась дочерью смертнаго, но

дочерью бога!“ И вотъ ея образъ, который меня безпрестанно преслѣдовалъ былъ средствомъ, которое употребляла любовь, чтобы подчинить меня себѣ, однако же, она обладала такою великодушною и могущественною добродѣтелью, что никогда не терпѣла, чтобы Амуръ совершенно управлять мною, не смотря на то, что я былъ лишенъ совѣтовъ разсудка, столь полезныхъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Но такъ-какъ всѣ усилия, сдѣланныя для сопротивленія страсти и волненьямъ при столь ранней юности, могли бы показаться баснословными, я пройду молчаниемъ много такихъ вещей, которыхъ можно было бы вывести изъ этихъ примѣровъ и перейду къ словамъ, начертаннымъ въ моей памятной книжкѣ въ болѣе важныхъ параграфахъ.

Когда прошло уже много дней послѣ указаннаго явленія этой весьма благородной особы, — исполнилось уже девятъ лѣтъ — случилось, что эта дивная Жена явилась мнѣ одѣтою въ платье ослѣпительной бѣлизны; она стояла между двумя благородными Женами, нѣсколько старше ея. Когда она проходила по улицѣ, то повернула взоры къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, исполненный благоговѣйнаго страха и вслѣдствіе вліянія ея невыразимой вѣжливости, за которую она имѣетъ теперь свою награду на Небѣ, она мнѣ поклонилась; это произвело на меня такое дѣйствіе, что мнѣ казалось, будто я достигъ крайнихъ границъ блаженства. Часъ, въ который я получилъ такое пріятное привѣтствіе, былъ именно девятый часъ дня; и такъ какъ это было въ первый разъ, что ея слова донеслись до моихъ ушей, то я почувствовалъ такую сладость, что, какъ упоенный, бросился изъ толпы.

Забравшись въ самую уединенную часть моего жилища, я принялъ думать объ этой особѣ, которая была такъ вѣжлива ко мнѣ; и, занятый ею, я погрузился въ сладкій сонъ, во время котораго мнѣ представилось чудесное видѣніе. Мнѣ казалось, что я вижу облако огненнаго цвѣта и на немъ Господина, страшнаго для тѣхъ, кто на него смотрѣлъ. Что-же касается до него,—удивительная вещь,—онъ мнѣ показался веселымъ. Онъ говорилъ много, чего я не разобралъ, развѣ только кое-что и между прочимъ слѣдующія слова: „*Ego Dominus tous*“ (Я твой Господинъ). Мнѣ казалось, что онъ держитъ на рукахъ спящую Жену, совершенно обнаженную и покрытую пеленами кроваваго цвѣта. Я тотчасъ узналъ въ ней, внушающую добродѣтель, Жену, удостоившую меня наканунѣ своимъ поклономъ. Тотъ, который ей несъ, держалъ въ одной изъ своихъ рукъ что-то, объятое пламенемъ и сказалъ мнѣ слѣдующія слова: „*Vide cor tuum*“ (Взгляни на твое сердце). И, нѣсколько минутъ спустя, мнѣ показалось, будто онъ разбудилъ ту, которая спала и съ помощью разныхъ ухищреній онъ заставилъ её съѣсть ту горящую вещь, которую держалъ въ рукѣ, что она и исполнила, но только со страхомъ и съ отвращеніемъ. Не прошло много времени, какъ веселость Господина превратилась въ жалобы; и все еще плача, онъ сжималъ Жену въ своихъ объятіяхъ и направился съ ней къ небу.

Я почувствовалъ такую сильную тревогу въ сердцѣ, что мой сонъ, бывшій очень легкимъ, прервался и я проснулся. Тотчасъ я припомнилъ въ своемъ умѣ все, явившееся мнѣ въ четвертомъ часу ночи; отсюда явствуетъ, что это былъ первый изъ *девяти послѣднихъ*

часовъ ночи. Тогда я рѣшился сообщить все, что видѣлъ, нѣсколькимъ лицамъ, бывшимъ извѣстными трубадурами; такъ-какъ я уже обладалъ опытностью говорить рѣчи риѳмами, то рѣшился сочинить сонетъ, въ которомъ привѣтствовалъ всѣхъ вѣрныхъ Амуру. Проща ихъ судить о моемъ видѣніи, я написалъ имъ о томъ, что мнѣ явилось во время сна и началъ этотъ сонетъ:

+

Душѣ влюбленной пламенно и страстно
И сердцу нѣжному, до коихъ-бы дошла
Лишь пѣснь моя,—привѣтъ имъ шлю всечастно
Во имя бога ихъ, Амура, я всегда!

Треть времени, когда такъ небо ясно
И звѣздно, вся уже прошла,
Какъ предо мной Амуръ предсталъ... Ужасно,
Лишь вспомню я о немъ едва.

Въ рукѣ Амуръ, весь радостью сия,
Сжалъ мое сердце, какъ дитя, играя,
Въ объятьяхъ онъ Жену держалъ...

Отъ сна ее тихонько пробуждая
И сердцу бѣдному во всей красѣ являя,
Онъ, плача, прочь вдругъ уѣжалъ. *)

*) Этотъ сонетъ раздѣляется на двѣ части. Въ первой—я привѣтствую и прошу отвѣта; во второй, которая начинается словами: „Треть часовъ и проч.“ — я говорю, на что именно слѣдуетъ отвѣтить.

На этот сонетъ отвѣчало много лицъ, мнѣнія которыхъ были совершенно различны. Между тѣми, которые мнѣ отвѣчали, былъ и тотъ (Гвидо Кавальканти), котораго я называю первымъ изъ своихъ друзей; его сонетъ начинается такъ: „Вы видѣли, по мнѣнью моему“ и пр. Эта переписка пѣкоторымъ образомъ послужила возникновеніемъ дружбы, которая существуетъ между нами обоими, и она возродилась тогда, когда онъ узналъ, что я тотъ, который предложилъ вопросъ. Справедливость, содержащаяся въ его отвѣтѣ, тогда не была прочувствована никѣмъ, но теперь она очевидна для самыхъ простоватыхъ.

Вслѣдствіе этого видѣнія, мой *Духъ Естества* былъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, потому-что моя душа вполнѣ отдалась этой благородной Женѣ. Такимъ образомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, я сталъ настолько хворымъ и слабымъ, что мой видъ огорчалъ моихъ друзей; было много людей, которые съ дурнымъ намѣреніемъ терзали самихъ себя, чтобы узнать обо мнѣ то, чего я не хотѣлъ никому открывать. Замѣтивъ ихъ нескромное любопытство, я слѣдовалъ волѣ Амура, который внушалъ мнѣ по совѣту разсудка и я отвѣчалъ имъ, что Амуръ и привелъ меня въ такое состояніе; я свалилъ все на Амура, потому-что я нашелъ на своемъ лицѣ столько знаковъ его ударовъ, что этого невозможно было скрыть. И когда они меня спрашивали: „За кого этотъ Амуръ заставилъ тебя такъ страдать?“ Я смотрѣлъ на нихъ съ улыбкою и ничего не отвѣчалъ.

Однажды эта благородная Жена присутствовала въ такомъ мѣстѣ, гдѣ воздавали хвалы Царицѣ славы и

гдѣ я помѣстился такъ, что могъ видѣть мое блаженство. Между ю и мною, слѣдя по прямой линіи, стояла одна Жена, лицо которой было очень пріятно и которая нѣсколько разъ направляла свои взоры на меня, удивляясь, что я такъ внимательно на нее смотрѣлъ, такъ - какъ казалось вслѣдствіе моего положенія, что мои глаза были устремлены къ ней и потому многіе замѣтили, что я смотрю на нее. Поэтому, когда я вышелъ оттуда, то услышалъ, какъ многіе говорили; „Посмотрите, какъ эта донна терзаетъ этого бѣднаго человѣка,“ назвавъ при этотъ ее по имени; я увидѣлъ, что они говорили о той доннѣ, которая стояла на линіи между мною и Beатриче. Тогда я успокоился, убѣдившись, что мои глаза не выдали моей тайны. Я даже задумалъ сдѣлать изъ этой донны нѣчто въ родѣ щита, чтобы скрыть истину; въ небольшой промежутокъ времени мнѣ удалось такъ хорошо устроить, что всѣ тѣ, которые интересовались мною, полагали, что открыли мою тайну. Благодаря этой Женѣ, въ теченіи мѣсяцевъ и даже цѣлыхъ годовъ я укрывался отъ взоровъ любопытныхъ и чтобы лучше обмануть нескромныхъ людей я написалъ нѣсколько бездѣлокъ въ стихахъ для этой донны; но я промолчу объ этихъ бездѣлкахъ, если только въ нихъ не встрѣтится какой-либо похваль моей Женѣ.

Въ то время, какъ эта донна служила мнѣ прикрытиемъ моей истинной любви, мнѣ пришло желаніе прославить имя Beатриче, поставивъ его со многими другими доннами и въ особенности съ именемъ той донны, которая мнѣ служила эгидою. Я выбралъ шестьдесятъ самыхъ красивыхъ особъ изъ того города, гдѣ, по волѣ

Всевышняго, родилась моя Жена и составилъ письмо въ формѣ исторического стихотворенія, которое я здѣсь не приведу. Я даже вовсе и не упомянуль-бы объ этомъ, если-бы не произошло нѣчто чудесное въ то время, какъ я его писалъ,— имя моей Жены могло войти въ стихотвореніе только *девятымъ*, въ силу размѣра.

Донна, служившая мнѣ такъ долго для прикрытия моихъ настоящихъ чувствъ, должна была уѣхать изъ упомянутаго города въ отдаленную страну. Это-то и было причиною, что я, лишенный защиты, пришелъ въ большее уныніе, чѣмъ я этого опасался прежде. Полагая, что, если я не заговорю въ нѣсколько грустномъ тонѣ по случаю ея отѣзда, то всѣ догадаются о томъ, что я хотѣлъ скрыть,—я рѣшился выразить нѣсколько жалобъ въ сонетѣ, который привожу ниже, потому-что моя Жена внушила мнѣ нѣкоторыя слова, понятныя для тѣхъ, кто желаетъ вникнуть въ нихъ; въ этомъ сонетѣ говорится:

О, вы, Амура всѣ грядущіе дорогой,
Скажите,—есть-ли скорбь, сильнѣйшая моей?
Повѣрьте мнѣ, въ моей душѣ убогой
Ключъ и обитель всѣхъ скорбей.

Не по заслугамъ былъ Амуръ помогой
Тому, что жизнь моя свѣтла, какъ сладкій сонъ,
Что слышу я, идя своей дорогой,
Какъ сзади говорятъ: „почто такъ счастливъ онъ?“

Отвага, радости,—все это улетѣло,
Какъ даръ моей любви, а сердце обѣднѣло
И даже слово я страшусь сказать...

Всевышняго, родилась моя Жена и составилъ письмо въ формѣ исторического стихотворенія, которое я здѣсь не приведу. Я даже вовсе и не упомянуль-бы объ этомъ, если-бы не произошло нѣчто чудесное въ то время, какъ я его писалъ,— имя моей Жены могло войти въ стихотвореніе только *девятымъ*, въ силу размѣра.

Донна, служившая мнѣ такъ долго для прикрытия моихъ настоящихъ чувствъ, должна была уѣхать изъ упомянутаго города въ отдаленную страну. Это-то и было причиною, что я, лишенный защиты, пришелъ въ большее уныніе, чѣмъ я этого опасался прежде. Полагая, что, если я не заговорю въ нѣсколько грустномъ тонѣ по случаю ея отѣзда, то всѣ догадаются о томъ, что я хотѣлъ скрыть,—я рѣшился выразить нѣсколько жалобъ въ сонетѣ, который привожу ниже, потому-что моя Жена внушила мнѣ нѣкоторыя слова, понятныя для тѣхъ, кто желаетъ вникнуть въ нихъ; въ этомъ сонетѣ говорится:

О, вы, Амура всѣ грядущіе дорогой,
Скажите,—есть-ли скорбь, сильнѣйшая моей?
Повѣрьте мнѣ, въ моей душѣ убогой
Ключъ и обитель всѣхъ скорбей.

Не по заслугамъ былъ Амуръ помогой
Тому, что жизнь моя свѣтла, какъ сладкій сонъ,
Что слышу я, идя своей дорогой,
Какъ сзади говорятъ: „почто такъ счастливъ онъ?“

Отвага, радости,—все это улетѣло,
Какъ даръ моей любви, а сердце обѣднѣло
И даже слово я страшусь сказать...

Какъ тѣ, что бѣдность изъ стыда скрываютъ,
Кажусь веселымъ я, но пусть уже всѣ знаютъ,
Что я горю, готовый зарыдать. *)

Послѣ отѣзда этой донны, угодно было Господину ангеловъ призвать на лоно Своей славы другую молодую донну этого города, грація и красота которой пленяли обывателей. Я видѣлъ ея бездыханное тѣло, окруженнное многими плачущими доннами. Вспомнивъ, что я видѣлъ ее въ обществѣ этой самой благородной особы (Беатриче), я не могъ удержаться, чтобы не пролить слезъ; и даже, плача, я порѣшилъ сказать нѣсколько словъ о ея смерти, въ память того, что я нѣсколько разъ видѣлъ ее съ мою Женою. Въ концѣ того, что я написалъ я сказалъ объ этомъ нѣсколько словъ, въ чемъ легко можетъ убѣдиться всякий, кто понимаетъ. Я написалъ эти два сонета, изъ которыхъ одинъ начинается такъ: „О, плачьте вы, любовники, стеная“ и второй: „О, смерть жестокая, мать древняя печали“**).

*) Въ этомъ сонетѣ двѣ главныхъ части. Въ первой—я взываю къ вѣрнымъ Амуру словами Йереміи: „O vos qui trauntis per viam, attendite et videte si est dolor sicut dolor meus“. Во второй части, начинающейся слѣдующими словами: „Не по заслугамъ былъ Амуръ помогой“... я говорю о томъ, что Амуръ для меня сдѣлалъ и что я потерялъ.

**) Этотъ, первый, сонетъ раздѣляется на три части: въ первой—я взываю ко всѣмъ вѣрнымъ Амура и побуждаю ихъ плакать; я говорю, что они, узнавъ причину слезъ Амура, будутъ болѣе расположены меня выслушать; во второй—я говорю, какова причина этихъ слезъ; въ третьей,—я говорю о почестяхъ, возданныхъ Амуромъ этой доннѣ. Вторая начинается словами: „Амуръ самъ плачетъ...“ третья, „Амуръ ей честь воздалъ...“